

ПОДАРОК САХАРЫ

Любовь +
Путешествия

Ирина Владимировна Щеглова
Подарок Сахары
Серия «Любовь + Путешествия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5007920

Эксмо; 2024

Аннотация

Сказки тысячи и одной ночи, бескрайние песчаные просторы Сахары, караваны верблюдов, атласные ткани и ароматы пряностей... Мечта наяву. Ирина с мамой отправились в Алжир, где по контракту работал отец девочки. Воображение рисовало волшебную картину, вычитанную в книжках, но реальность превзошла самые смелые фантазии. Пленившись красотой Востока, Ирина с удовольствием проводила время на каникулах и не ждала от поездки ничего романтического. Но не прошло и недели, а в нее уже по уши влюбились...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Щеглова Подарок Сахары

Глава 1 Вилла над морем

В Москве, несмотря на начало лета, было совсем не жарко. Вот уже неделю из унылых толстобрюхих туч поливало

холодным дождем. Без плаща и зонта не обойтись.

Мы с мамой приехали в аэропорт одетые совсем не полетному, а через несколько часов оказались в жаркой, залитой солнцем Африке, точнее в Алжирском аэропорту. Наверно, от волнения мама забыла меня предупредить, и я не успела переодеться. Так и плавилась к джинсам и ветровке, не замечая жары и глаза на разноцветную толпу, заполнившую аэропорт.

– Мам, почему у них столица и страна называются одинаково?

– Не знаю. Так получилось, – мама нервничала. Во-первых, она что-то напутала с билетами и днем вылета. С нами должны были лететь какие-то Павлышевы, но, как оказалось, у них были билеты на другой рейс. А во-вторых, нас не встретили.

Я, честно говоря, струхнула, но не мама. Убедившись в том, что никто нас не ждет, она быстро отыскала российского представителя, тот связался по телефону с посольством, и за нами приехал Гена. Он так и представился, по очереди пожав руки мне и маме.

Гена выглядел потрясающе в ярко-желтой кислотной футболке и рыжих летних брюках. Он был такой яркий, необычный, совсем «не русский». Человек, всем своим видом поминутно выражающий восторг, кипящий эмоциями, все в нем было картинно, с жестами, напоказ. Он ужасно много суетился, усаживая нас в свою машину: устраивал нас, укладывал

багаж, бегал вокруг, бессмысленно хлопая дверцами. Я прятала усмешку. Это он так перед нами хвост пушил...

Наконец, Гена в последний раз хлопнул дверцами и сел за руль. Поехали.

В машине мне удалось стащить с себя ветровку. Мама всю дорогу пыталась затолкать наши одежды в сумку, одновременно растерянно кивая в ответ на вопросы-утверждения золотисто-желтого и вкрадчивого Гены. Мама ему определенно нравилась, и он, по-моему, волновался за нее больше, чем она сама. Я неотступно следила за ним, и от этого Гена смущался еще сильнее.

Из их разговора я поняла только, что папе позвонили и что-то напутали со временем нашего прилета. Теперь нам надо было непременно его дожидаться, потому что нам предстояло еще проехать около восьмисот километров, то есть практически пересечь всю страну, а без мужчины делать этого не рекомендовалось, точнее сказать, категорически запрещалось.

– Тут у нас, знаете ли, не там, – пошутил Гена.

Он привез и поселил нас в большом белом доме с террасой. Дом стоял прямо над морем, над обрывом. Внизу, среди густой зелени, виднелись многочисленные плоские крыши других домов, а там, дальше, на темном аквамарине в дымке стояли большие корабли.

– Там порт, – сказала мама.

– Это Средиземное море? – спросила я.

– Да.

– А когда придет папа?

– Завтра.

На втором этаже уже жили русские, мы разместились на первом.

Я прошлась по темным нежилым комнатам, заставленным чужой мебелью, подергала жалюзи и спросила у мамы:

– Мы здесь проживем?

– Наверное, – ответила мама и почему-то вздохнула.

А мне понравилось. Я сразу отправилась на разведку и увидела незнакомую девочку, она стояла на веранде и, перегнувшись через перила, с любопытством меня разглядывала.

Хорошенькая, как кукла: на вид – лет двенадцати, в пышном белом сарафане и открытых шлепанцах с розами.

– Приве-е-ет... ты ру-у-сская? – нараспев произнесла незнакомка. У нее были длинные светлые волосы и очень симпатичное личико.

– Русская! – обрадовалась я.

Девочка встряхнула головой, отбросила назад волосы и представилась:

– Меня зовут Настя, а тебя?

– Ира...

– Поднимайся ко мне, – предложила Настя. Я взбежала по лестнице и подошла к ней. Отсюда море было видно еще лучше. А я на море была очень давно, еще маленькой с бабушкой. И то было Черное море, а это – Средиземное.

– Ух ты! – восхитилась я.

– Здорово, да-а? – спросила Настя, она повернулась и оперлась спиной о перила веранды.

Девчонка была забавной, хоть и задавалась немного.

– Пойдем, я познакомлю тебя с мамой, а потом все здесь покажу, – по хозяйски распорядилась Настя.

Ее мама лежала в шезлонге, подставив солнцу лицо. Она казалась усталой, но все-таки поздоровалась со мной и спросила, откуда я приехала. Я рассказала о нашем городе, о том, что мой отец геолог, у него длительная командировка, и они с мамой живут сейчас в поселке в горах, потому что там месторождение, а меня мама привезла на летние каникулы.

Родители улетели в Алжир в прошлом году, еще осенью. Как же я страдала оттого, что меня не взяли! Но жить с ними у меня не было никакой возможности из-за отсутствия русской школы. Школы были только при нашем посольстве, да еще, кажется, в одном городе, где работали российские специалисты. Не наездишься.

Потом со мной случилось еще одно разочарование: родители взяли и приехали на новогодние праздники, а я так надеялась провести каникулы у них, все-таки экзотика, Африка, к тому же я за границей не была ни разу, если не считать Крыма, конечно. На мои восторженные расспросы папа в основном отшучивался, а мама больше хмурилась и отмалчивалась. Видимо, не нравилось ей. А мне так хотелось посмотреть на другую страну, другой континент, на людей,

ведь там все совсем по-другому. Когда отец рассказал о командировке, я так разволновалась! Перерыла Интернет, собирая сведения, рассматривала картинки: ярко-рыжая Сахара, бедуины и туареги в причудливых одеждах, развалины древних крепостей, белые дома, рассыпанные по живописным склонам, женщины в халках и лааджарах (белое одеяние, скрывающее фигуру, и лицевой платок), смуглолицые мужчины. Апельсиновые рощи и пальмы, гроздь фиников и смокв. Вспоминались сказки Шахерезады из «1000 и одной ночи», всемогущие джинны, волшебные лампы, колдуны из Магриба, караваны верблюдов, тончайшие ткани, драгоценные камни, ароматы пряностей и душистых масел... Голова кружилась от мечтаний. Я не могла дождаться лета. Ведь мне твердо пообещали.

И наконец в конце мая за мной прилетела мама.

Все это я, торопясь, рассказала Настинной маме, лежащей в шезлонге с закрытыми глазами. Она едва кивнула в ответ. Вяло махнула рукой, видимо, хотела, чтоб мы оставили ее в покое.

– Ужасно болит голова, – чуть слышно пожаловалась она.

Потом мы с Настей исследовали участок вокруг виллы, огороженный высокой проволочной сеткой. На сетке висели чумазые «арабчата» в живописном тряпье, так мама назвала алжирских детей, они галдели и показывали на нас пальцами.

– Не обращай внимания, – дернув подбородком, высоко-

мерно произнесла Настя. Она демонстративно отвернулась от дергающих сетку детей и сделала вид, что рассматривает пластиковые розы на своих шлепанцах.

– Там, где вас поселили, была холера, – пропела Настя. – Всю семью увезли в больницу, – теперь она наслаждалась произведенным на меня эффектом. – Только ты не бойся, там все продезинфицировали.

– Вообще-то мне прививку сделали!

Она, как мне показалось, была слегка разочарована.

Я с тоской смотрела в сверкающую морскую даль. Море было так близко, наверное, можно было пройти к нему, спустившись по одной из улочек, справа или слева от нашей виллы, весь путь не занял бы и получаса. Но уйти одной – об этом не могло быть и речи.

– Ты ходишь на пляж? – спросила я у Насти.

– Иногда, когда у папы есть время, он нас возит на машине.

– Иногда? Но ведь море – вот оно. Рядом!

У Насти округлились глаза от удивления:

– Нет, туда нельзя, там местные... ты же видела. Да и грязно к тому же...

Об этом я как-то не подумала. Что ж, оставалось вздыхать и облизываться, глядя на сверкающую даль в жемчужной дымке, и представлять себе что-то такое, расплывчатое, чудесное, нежное... Как в рекламе «баунти». Пока я мечтала, Настя рассказала, что учится в русской школе при по-

сольстве и еще занимается рисованием. В ее комнате было множество акварелей, они висели на стенах, лежали на столе в пухлых папках и альбомах. На них я видела белые дома, белое небо с желтым солнцем и бирюзовое море. Все, как в жизни.

Я спросила у нее, почему город, в котором она живет, и страна называются одинаково.

– Это же просто, – объяснила Настя. – С арабского «Ал-жир», или «Эль-Джазир» – «страна островов». Здесь в море разбросано много мелких островов, название сохранилось с древних времен, – она махнула рукой в сторону моря, я тоже туда посмотрела, но никаких островов не заметила.

– Понятно, – хотя понятнее не стало, но я зачем-то поделилась: – Эль-Джазир, по-моему, звучит гораздо красивее Алжира, – сказала я.

Папа приехал на следующий день в микроавтобусе. Причем не один. С ним прибыли восторженный Гена и еще один человек. Как оказалось, он папин коллега, Александр Павлышев, он тоже приехал встречать свою семью. Именно с его женой и дочерью мы разминулись в Москве.

За рулем был водитель-алжирец, как мне объяснили «на всякий случай». Мол, в стране до сих пор неспокойно, возможны всякие инциденты и даже теракты. Я кивнула в ответ, но про себя удивилась: как можно думать о терактах, войне и смерти под этим жарким солнцем и небом цвета бирюзы, кому придет охота убивать, вместо того чтоб лежать

на пляже, плавать в тягуче-соленом море или сидеть в одной из многочисленных кофеен, попивая обжигающий смоляной кофе или холодный оранжад и расслабленно созерцая белый город, амфитеатром спускающийся к морю. Город был действительно прекрасен, как и мое настроение.

Впереди у нас были целые сутки, и любезный Гена предложил устроить экскурсию по городу.

Разумеется, мы согласились. Я читала в Интернете, что Алжир раньше был французской колонией, потом алжирцы отвоевали у французов независимость. И вот уже полвека живут самостоятельно. Французы уехали, но город сохранил европейские черты. Залитый солнцем Алжир казался ослепительно белым, томным, роскошным, хотя и по-восточному грязным... По улицам и площадям неспешно шагали по своим делам мужчины и женщины, одетые вполне по-европейски, привычно. Правда, попадались изредка женщины в халках и лааджарах, но, как объяснил Гена, это, скорее всего, провинциалки. В столице и крупных городах национальную одежду не носят. В результате продолжительной гражданской войны алжирские женщины получили равные права с мужчинами, так что теперь никто не может заставить женщину сидеть взаперти.

Мама хмыкнула недоверчиво.

– Ну-ну, – насмешливо произнесла она. – Не один десяток лет должен пройти, чтоб изменилось само отношение к женщине.

Гена не стал спорить, просто переключился на другую тему.

А на следующий день мы встречали в аэропорту семью дяди Саши Павлышева. Прилетели его жена Светлана с дочерью Юлей. Мы стояли в зоне прилета. Из толпы прилетевших вырвалась длинноногая угловатая девчонка с коротким каштановым каре и с криком «Папа!» бросилась Павлышеву на шею. Следом подошла улыбающаяся женщина, взглянув на нее, я сразу догадалась – Юлина мама. Счастливое семейство обнялось. Пока они обнимались, я стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу. Потом Светлана оторвалась от мужа и переключилась на нас. Пожала всем руки, подтолкнула ко мне смеющуюся Юльку и вдруг, словно опомнившись, оглянулась: за ее спиной маячили двое – высокий тощий парень с густой шевелюрой темных волос и девчонка-кубышка с замечательной пышной гривой, длинной и выющейся. Пожалуй, только этим они и были похожи.

– Знакомьтесь, – представила она, – это Юля, наша доча, а это Георгий и Анечка – дети нашего доктора.

Я назвала свое имя. Юлька энергично схватила мою руку и несколько раз встряхнула. Георгий чуть склонил голову, типа, поздоровался? Его сестра смущенно пискнула что-то, я не разобрала.

– Все, ребята, грузимся, – распорядился мой папа, все засуетились, разбирая багаж. Я хотела тоже взять чью-то сумку, но Георгий меня опередил. Молча подхватил поклажу и

направился к выходу из здания аэропорта. Даже не обернулся ни разу. Юлька догнала меня, подмигнула и прошептала:

– Видела, важный какой. – Она хихикнула. – Студент из меда, первый курс, а строит из себя... – закатила глаза и расхохоталась.

С Юлей мы сразу нашли общий язык. Аня все время пряталась за брата, а он показался мне надутым букой. Подумаешь – студент!

Глава 2

Русская территория, или Контракт

Ехали мы долго. Сначала дорога шла вдоль моря, потом начались апельсиновые рощи и поля. Мы проезжали через какие-то городки или поселки, останавливались у придорожных ресторанчиков. Юля глазела в окно, громко вскрикивала, все время фотографировала на телефон, крутила головой и задавала бесконечные вопросы. Георгий и его сестра помалкивали. Я время от времени посматривала на него, и

всякий раз видела точеный профиль, густую прядь, закрывшую от меня добрую половину его лица. «Оглянись же, оглянись! – приказывала мысленно. – Посмотри на меня!» Но гордый Георгий даже ухом не повел. Я разозлилась и решила не обращать на него внимания.

– Зачем тебе столько снимков? – спросила у Юли. – Все равно ничего интересного.

– Да ты что! – воскликнула она. – Мне надо как можно больше всего наснимать. Потом выложу у себя на странице, все обзавидуются! Из моих друзей еще никто не был в Африке, представляешь! Я первая! – Она смолкла, посмотрела на меня с неподдельным ужасом. – Ох, слушай, я же не спросила, там Инет есть?

– Где? – не сразу сообразила я.

Юлька отмахнулась и крикнула на весь автобус:

– Пап, а там у вас Инет есть?

В поселке с Инетом было туго, он вроде был, «но как-то не взаправду, и в общем, издалека». Юлька расстроилась и на какое-то время замолчала, откинулась на сиденье, уставилась в телефон и сердито сопела, перебирая уже отснятое.

Потом дорога стала подниматься в гору, заросшую густым кустарником. Папа сказал, что здесь водятся кабаны и зайцы, а еще дикобразы.

Все-таки я не выдержала и уснула, а когда проснулась, наша машина уже стояла у невысокой каменной стены, а за стеной я увидела белые домики с плоскими крышами.

– Вот наша вилла. – Папа показал на крайний домик справа.

– Разве это вилла? – не поверила я. Ведь вилла – это большой двухэтажный дом с верандой и видом на море.

– Одно название, – согласилась мама.

У ворот стояли несколько женщин и мужчин. Нас встречали.

Жорик, как я про себя окрестила важного Георгия, и его сестра оживились: к микроавтобусу кинулась невысокая худенькая женщина с характерной шапкой густых волос каштанового цвета. Аня пискнула «Мама!» – и, опередив брата, выскочила навстречу. Жорик неторопливо поднялся, солидно вышел из автобуса, позволил матери обнять себя, затем отстранил и вернулся за багажом. Он помог Павлышеву и моему отцу вытащить из автобуса все чемоданы и сумки. Тем временем женщины окружили маму и Светлану, Юлька крутилась между ними. Самая высокая и полная, потрепав Юльку по голове, громогласно заявила:

– Теперь Аленке будет с кем вокруг виллы побегать!

Кто такая Аленка? И почему Юльке предстояло бегать с ней вокруг виллы, уточнять не хотелось.

Мне надоело стоять и глазеть на происходящее, и я направилась по дорожке, усыпанной гравием, к нашему новому дому.

Он оказался – ничего себе. Мне сразу понравилось большое крыльцо под навесом, оно было выложено красивыми

гладкими плитками.

– Мам, смотри! У нас тоже есть веранда! – крикнула я.

– Угу... – отозвалась мама. – Ты куда удрала? Помоги донести вещи.

Дул сильный ветер. Здесь было холоднее, чем на побережье. Я нетерпеливо приплясывала у двустворчатой стеклянной двери, закрытой на ключ.

Наконец, папа открыл дверь, и я вошла в прихожую. Внутри вилла выглядела лучше, чем снаружи. Особенно мне понравился большой темного дерева стол и стулья с высокими деревянными спинками и мягкими сиденьями, обитыми красной кожей. Комнат оказалось целых четыре. В них было много света, большие окна с жалюзи и мраморные полы, такие же, как на крыльце. Это меня удивило. Папа объяснил, что такие полы делают потому, что бывает очень жарко.

– А стены-то фанерные, – заметила мама. – Ткни пальцем – развалятся.

Жорика и его сестру увели счастливые родители. Юлька, махнув мне рукой, тоже ушла со своими. Оставшиеся женщины во главе с крупной громогласной теткой принялись наперебой рассказывать о том, как они здесь живут, я не стала подслушивать, пошла в свою комнату и подняла жалюзи с окна. За окном я увидела еще один дом, он был гораздо больше нашего. Правда, мне был виден только второй этаж, все остальное закрывала ограда и высокие деревья. Надо будет узнать, кто там живет.

Женщины ушли, мама принесла постельное белье, и мы вместе застелили мою кровать. Я развесила свою одежду в шкаф и решила выйти на улицу, осмотреться.

Сначала я постояла на крыльце. Но ничего интересного не увидела. За каменной оградой дорога, за дорогой на пустыре полукругом какие-то вагончики. Слева все тот же загадочный дом среди деревьев. Чтобы рассмотреть все остальное, надо было спуститься с крыльца. И я, наконец, решилась.

Прошла немного вперед по гравиевой дорожке. Одинаковые белые дома с плоскими крышами. Дальше, за домами, склон горы. И все? Что же здесь делать?

Я добралась до самого конца дорожки и выглянула за ограду. Никого. Совсем было расстроилась, но неожиданно услышала, как меня кто-то позвал по имени. Оглянулась.

Недалеко стояли две девушки. Точнее, девушка и девочка. Та, что поменьше, была в светлом платье, худенькая, с косичками и веснушками. Другая выглядела старше меня, она оказалась высокой, круглолицей, со светлыми густыми волосами, собранными в хвост на макушке, одета в короткие шорты и открытый топик. Смело, если учесть, что мы в стране, где некоторые женщины до сих пор закутываются с ног до головы и прячут лица.

Я неуверенно подошла к ним и поздоровалась:

– Вы меня знаете?

– Ну да, мы вас уже несколько дней ждем, – сообщила старшая, – меня Аленой зовут.

Я не сдержалась и улыбнулась, так вот она какая – Аленка, вот с кем предстояло нам бегать вокруг виллы. А та тетка, судя по всему, ее мама...

– Наташа, – представилась младшая.

– Ирина, – не переставая улыбаться, сказала я.

– Я так рада, – призналась Алена, – а то выйдешь из дома, нет никого. Вообще нет людей! Думала, помру от скуки. – Она пожала плечами – Я тоже недавно приехала, еще не знаю, как и что, – оглянулась, задержала взгляд на одной из вилл, спросила равнодушно: – А эти, ну с тобой приехали... как их? Дети доктора?

– Жорик и Аня, – подсказала я.

– Ну да... Хоть бы вышли поздороваться...

– Устали, наверно, – предположила я.

– А... Они, вообще, как? – продолжала расспрашивать Алена.

– Он важничает, Аня вроде ничего, только стеснительная, – ответила я и вдруг увидела за оградой ослика: – Ой, смотрите, ослик! Он чей? Потерялся?

Мы втроем бросились к стене:

– Нет, он дикий, – сообщила Наташа, – их тут много, целые стада!

– Да ну! – не поверила я. – Разве бывают дикие ослы? – И я вышла через распахнутую калитку. Ослик щипал пучок пыльной сухой травы. У него была серая шерсть, не слишком чистая, грустная морда и смешные уши.

Наташа сказала, что на осликах можно кататься. Мы по очереди вскарабкивались на широкую спину и пытались заставить ослика сделать хоть шаг, но у него, видимо, не было настроения. Тогда мы решили оставить его в покое.

Девочки предложили показать мне, кто где живет, я согласилась, и мы снова пошли по гравиевой дорожке.

– Вот здесь живу я. – Алена показала на виллу в центральном ряду.

Наташин дом оказался почти посередине. Еще я узнала, что постоянно в поселке вместе с родителями живут только малыши. Самому старшему, Сережке, было всего шесть лет.

«Да-а, скучновато», – подумала я.

Наташа подробно рассказывала обо всех русских в поселке, о наших переводчиках, врачах, геологах, о том, кто здесь главный. Главным был отец Алены «дядя Петя Ананьин», его все называли шефом, а его жену «тетю Лиду» – шефиной. У доктора была длинная труднопроизносимая фамилия – Гевардовский, звали его Львом Георгиевичем, а его жену – Анжелой. «Понятно, выходит, Жорик у нас – Георгий Львович, потомственный доктор, по стопам отца пошел», – почему-то пришло в голову.

Пока мы бродили вокруг домов, за нами увязалась худая длинноногая собака. Оказалось, она тоже ничья, в поселке ее подкармливают, так что она тоже считалась «нашей».

– А как ее зовут? – спросила я.

Наташа пожала плечами.

– Надо придумать ей имя, – предложила я.

Посоветовавшись, мы решили назвать собаку Серенадой, потому что у нее была серая шерсть, умная тонкая морда, и вообще, она была вся такая утонченная, немного похожая на борзую.

– Еще у нас живут два кота: Котька и Васька, – сообщила Наташа, – Котька сиамский, а Васька – барсик. То есть он обыкновенный, беспородный. А собак много, прибегают с гор, они дикие, целая стая.

– А кто живет там, за стеной? – спросила я, показав на двухэтажную виллу среди деревьев.

– А... – Наташа задумалась, – там какие-то богатые арабы живут, – ответила она, – но точно я не знаю.

– А через дорогу? – уточнила я, кивнув в сторону приземистых то ли домов, то ли вагончиков, выстроившихся широким полукругом за шоссе.

– Американцы, – равнодушно сообщила Наташа.

Вот это да! Я воодушевилась:

– Тоже работают тут? А наши ровесники есть? Вы общаетесь?

Наташа отрицательно покрутила головой:

– Нет, я никого там не знаю.

Я разочарованно вздохнула.

– А с местными вы дружите? – на всякий случай спросила я.

Наташа оживилась.

– Да, мы дружим с Фудзией, я вас познакомлю потом, – пообещала она.

Пришлось признать – негусто. Н-да... и что же тут делать? Неужели все каникулы я просижу в крохотном поселке среди диких осликов, бродячих собак, двух котов и малышни?

– Жара и скукота, – словно подслушав мои мысли, пожаловалась Алена.

Мы увидели, как к воротам подъехал маленький автобус.

– Папа! Папа! – закричала Наташа и побежала встречать.

– Это наши с работы, – объяснила Алена, – вон мой отец...

Я постояла, посмотрела на приехавших мужчин, вежливо поздоровалась. Девчонки сказали, что идут по домам, и я тоже пошла.

На нашем крыльце мама кормила рыжего пса. Он, захлебываясь и вздрагивая, хватал и мгновенно проглатывал куски колбасы и булки. Заметив меня, пес оторвался от еды и с заливистым лаем понесся навстречу, вращая хвостом, как пропеллером.

– Рыжий, а ну прекрати! – строго прикрикнула мама. Пес притормозил, изобразил на морде дружелюбие и, продолжая вращать хвостом, обнюхал меня.

– Привет, – поздоровалась я, – можно тебя погладить?

Пес не возражал.

Я протянула руку и прикоснулась к его голове.

– Ты смотри, соображает, – заметила мама.

Рыжий понял, что он понравился, и сразу же решил, что

теперь мы его новые хозяева. Он деловито обежал виллу, гавкнул для порядка на проходивших мужчин и с чувством исполненного долга расположился на веранде.

Вечером мы отправились в гости. У доктора собрались все, кто жил в контракте – так было принято называть наше поселение. Поселенцев всего восемнадцать человек, не считая детей. Для них накрыли отдельный стол, причем и я, и Юлька тоже оказались за этим столом, под предлогом: «девочки, присмотрите, пожалуйста, за малышами». Причем Жорик, никого не спрашивая, расположился за «взрослым столом». Интересно, у него что, привилегии? Слабо студенту нянькой поработать, пока родители малышни будут расслабляться?

Я злилась, а неунывающая Юлька рассадила детишек, помогла разложить еду, организовала Аню и Наташу, одним словом, все сделала сама. Глядя на нее и смешных детенышей, уплетающих всякие вкусности, я невольно заулыбалась.

Позже всех явились шеф с шефиной, а с ними расфуфыренная в пух и прах Аленка. Никого не спрашивая, Аленка уселась рядом со своей мамой за «взрослым столом» и с места в карьер начала строить глазки Жорику. Мы с Юлькой только и смогли, что переглянуться да пожать плечами. Пока мы переглядывались, Аленка ухитрилась вытащить сурового Жорика из-за стола и увлечь его на веранду. Мы тоже хотели было выйти следом, но, выглянув из-за двери, поняли, что наше присутствие вовсе не желательно. Уж очень эта

парочка мило щебетала.

Ведь не нужен мне был Жорик, даже не нравился нисколько. Так отчего я расстроилась?

Глава 3

Игра в мяч, или Венсан

На следующий день Юля заявила ко мне с утра пораньше и потащила на разведку. Мы обошли все виллы, заявили к доктору и прихватили с собой стесняющуюся Аню. В глубине души я рассчитывала увидеть Жорика, но он не попался мне на глаза, а спрашивать Аню я не решилась.

Потом мы встретили Наташу, и та познакомила нас со своей местной подружкой Фудзией. Темнокожая, круглолицая,

с двумя черными косами, одетая непривычно: под платьем из блестящей ткани она носила джинсы. Был у нее и платок, но он все время сбивался с головы и просто болтался на шее. У Фудзии оказался хриплый, как будто сорванный голос.

Сначала она смущалась и отворачивалась, но понемногу нам удалось ее разговорить. Конечно, нам было трудно. Наташа немного знала по-французски, а мы с Юлей запомнили пока лишь несколько слов.

Освоившись, Фудзия расспрашивала нас, но мы с Юлей мало понимали, зато Наташа довольно точно переводила смысл вопросов нашей новой подружки. Мы сказали, сколько нам лет, как зовут наших родителей. Наташа от себя добавила, что папа Фудзии работает вместе с нашими отцами на руднике, а мама сидит дома. У Фудзии еще семь братьев и сестер, старшему, Али, уже пятнадцать лет. А младшему брату нет и года. Еще мы узнали, что Фудзия ходит в школу. И она показывала нам, как по-арабски пишется ее имя и разные другие слова. Она писала разноцветными мелками на каменных ступенях крыльца пустующей виллы. Получалось очень красиво, как будто плетеная веревочка с бусинками.

Потом Фудзия ушла домой, потому что должна была помогать маме. А Наташа рассказала, что как только Фудзии исполнится тринадцать лет, она станет закрывать лицо, иначе ее никто замуж не возьмет.

– Что за глупости! – возмутилась я. Мне стало жалко Фудзию. Надо же в тринадцать лет нацепить длинный балахон,

закрыть лицо и никуда не выходить из дома одной. В столице я почти не видела закутанных женщин, но то – столица, а то – провинция. В прежние времена алжирская женщина даже представить себе не могла, что когда-то сможет позволить себе ходить в европейской одежде и иметь равные права с мужчиной.

– Это же очень неудобно, длинный балахон и намордник в пол-лица, – поделилась я своими мыслями, – очень глупо.

Девчонки согласились.

Мы сидели на теплом от солнца крыльце пустующей виллы и болтали. Делать, в общем, было нечего. Я спросила у Ани, где ее драгоценный братец, в ответ она лишь пожала плечами. Все понятно. Великовозрастный Жорик игнорирует нас. Подумаешь! Но стоило только поговорить о нем, как он внезапно появился на гравиевой дорожке, и не один, а с Аленкой! Парочка неторопливо прошествовала мимо нас. Аленка едва повернула голову и кивнула небрежно. Мы ответили тем же. Жорик и Аленка скрылись за воротами. Мы молча проводили их взглядами.

– Что это было? – спросила Юлька.

Аня покраснела и опустила голову. Лично мне все стало понятно, – Аленка активно клеила единственного парня контракта. Он не сопротивлялся, значит, девушка ему нравилась. Нам оставалось только облизываться. Ничего, как-нибудь переживем, я, во всяком случае.

– На безрыбье и рак – рыба, – я постаралась произнести

это как можно презрительнее, но вспомнила об Ане и прикусила язык.

– Гога очень хороший, – тихо, но упрямо произнесла Аня. Девочки промолчали, а мне пришлось оправдываться:

– Я не в том смысле, извини...

Спасла положение Юлька:

– Смотрите! Смешные такие!

Недалеко от нас резвились малыши: двое братишек Коля и Костя, симпатичный карапуз пятилетний Нурик и самый старший – Сережа. Они неумело гоняли мячик и все время ссорились. Мы наблюдали за ними, потом подошли поближе и незаметно включились в игру. Просто так гонять мяч было скучно, Юля предложила играть в картошку. Это когда один человек садится в круг, а остальные бросают мяч друг другу, тот, кто в кругу, старается поймать мяч, если поймает, то выходит из круга, а на его место садится тот, кто бросал. Сначала мы с Юлей все время выигрывали. Аня поддавалась малышам, поэтому оказывалась в кругу вместе с ними, а мы вдвоем оставались и монотонно перебрасывались мячом. Но постепенно мальчишки разыгрались. Сережка умело подпрыгивал, хватая мяч, даже если он летел довольно высоко. Братья тоже старались. Только робкая Наташа да маленький Нурик подолгу сидели в кругу. У нас с Юлей разыгралась совесть, и мы тоже стали немного поддаваться.

Сами не заметили, как увлеклись. Началась возня, все громко смеялись, раскраснелись, запыхались, придумывали

новые правила, азартно кричали, если удавалось поймать трудный мяч.

В какой-то момент я побежала за мячом, отвлеклась и заметила очень красивого парня, он остановился неподалеку и наблюдал за нами. Мяч, естественно, укатился. Юля крикнула:

– Ну, что же ты!

Я ничего не ответила, только кивнула ей на незнакомца.

Игра приостановилась. Наши мальчишки нетерпеливо подпрыгивали.

Я подошла к Наташе и спросила:

– Кто это?

Получив в ответ очередное пожимание плечами, я даже не удивилась. Наблюдавший за нами парень показался мне необыкновенным! Он был старше меня, такой стройный, слишком светлокожий для араба, но с длинными черными волосами, густыми и блестящими, хоть сейчас бери и снимай фото для рекламы шампуня. Одет он был в вельветовые джинсы песочного цвета и белую футболку. Прямо картинка в глянце, а не парень.

– Давайте же играть! – потребовал Нурик. Но мы с Юлей отмахнулись от него:

– Погоди...

Парень не уходил, он улыбнулся и неуверенно махнул нам рукой.

– Давайте позовем его! – предложила я и сразу же привет-

ливо махнула в ответ.

– Как сказать: иди к нам? – спросила я Наташу.

– По-французски будет вьен, – наморщив лоб, сказала она.

– Вьен? – переспросила я. – Это значит: иди сюда?

– А чего – вьен? – вмешалась Юля. – Надо как-то по-другому пригласить, чтоб он понял, что мы зовем его не просто так, а... – она запнулась и посмотрела на меня.

– Мы зовем его играть в мяч, – подхватила я. – Наташа, как будет – играть?

– Кажется – жу... жуэ, – ответила она.

Мы слишком долго совещались, составляя фразу так, чтоб она была понятна красивому незнакомцу, малыши загрустили.

Как назло, все французские слова из головы вылетели. А ведь я учила! Честное слово! В очередной раз мысленно отругала себя за лень и поклялась выучить иностранные языки, чем больше, тем лучше.

Как правильно знакомиться? Нам хотелось сказать: привет! Как тебя зовут? Иди к нам... Но все это было слишком длинно, он мог неправильно понять или подумать что-нибудь не то. Мы совещались долго, я все поглядывала за забор: не ушел ли? Но парень терпеливо стоял там, как будто ждал.

Наконец, фраза была составлена:

– Вьен жуэ авек ну! – тщательно выговаривая незнакомые

слова, произнесла я, повернувшись к незнакомцу.

Наташа и Юлия широко улыбались и махали руками. Аня смущенно отвернулась. Мальчишки, раскрыв рты, смотрели на нас и никак не могли понять, отчего это мы решили позвать чужака.

Он энергично закивал головой и сразу же подошел к нам.

– Бонжур, – мы поздоровались почти хором.

– Bonjour, – ответил он, и у него это слово вышло журчащим, легким, хотя он произнес его как бы в нос, словно был простужен.

Мы по очереди представились, называя свои имена, прижимали руки к груди, потом представили мальчишек. Незнакомец каждый раз внимательно слушал, кивал и повторял за нами, ставя ударение на последний слог. Потом слегка склонил голову, встряхнул длинными густыми волосами и назваля:

– Венсан.

– Венсан, – подхватили мы, – это твое имя? Как красиво звучит!

Он, конечно, не понял, но, увидев наши улыбки, улыбнулся в ответ.

– Венсан, вьен жуэ авек ну, – снова повторила я заготовленную фразу.

– Уи, мерси, – поблагодарил он. Я уже знала, что мерси – значит спасибо. Ему не надо было объяснять правила игры, он их понял, пока наблюдал за нами. С Венсаном сразу стало

веселее. Он с удовольствием поддавался малышам, особенно его забавлял Нурик. Венсан даже стал учить его правильно бросать и ловить мяч. Наташа и Аня стеснялись нашего нового знакомого, поэтому часто пропускали мячи. Зато Юля металась как угорелая, она громко вскрикивала, охала, ахала, закрывала лицо руками и хохотала невпопад. Я же все время старалась оказаться напротив Венсана, чтоб получше рассмотреть его. Он совсем не походил на местного. Его имя тоже не было арабским. Но как расспросить? Никто из нас не смог бы этого сделать. Сегодня же возьмусь за французский!

Играли мы не долго. Скоро к ограде подошла светловолосая женщина в наброшенном на плечи белом одеянии – халке. Эта женщина не была похожа на арабку, так зачем же ей этот балахон?

– Мама, – объяснил Венсан и что-то еще сказал непонятное, наверное, ему нужно было идти домой, и он попрощался. Мы разочарованно притихли. Венсан снова улыбнулся и быстрым шагом направился к воротам. И тут я увидела, что они вместе с мамой вошли в калитку соседней виллы, той самой, двухэтажной, среди деревьев. Так вот, оказывается, кто там живет!

После ухода Венсана игра разладилась. Мне хотелось поговорить, обсудить сегодняшнее знакомство. Все-таки интересно было разузнать о Венсане. Только у кого? Наташа ничего не знала о нем, хотя он жил с нами по соседству. Оставалось надеяться, что мы еще увидимся.

Пока мы обсуждали новое знакомство, в воротах показалась Аленка, она почему-то прикрывала лицо рукой и почти бегом пробежала к своему дому, за ней следом, еле поспевая, торопился Жорик, тоже какой-то странный, расстроенный, побледневший... Мы проводили их недоуменными взглядами. Аленка взлетела по ступенькам, хлопнула входной дверью, Жорик замер на мгновение, но последовал за ней.

– Она плакала? – спросила Наташа.

– Разве? – засомневалась я.

– А почему она за лицо держалась?

Несколько минут ничего не происходило, мы подошли поближе к дому шефа. Вдруг из-за двери донесся какой-то шум или крик, створки с треском распахнулись, и на веранду выступила разъяренная жена шефа. А она действительно была в ярости. Погрозив кому-то неведомому кулаком, тетя Лида выкрикнула:

– Ну, я этого так не оставляю! – Она величественно спустилась с крыльца и, подобно грозному военному судну, устремилась куда-то, гневно выкрикивая угрозы и размахивая руками. Юлька первой бросилась к дому, мы – следом.

Аленка и Жорик сидели в гостиной на диване. Аленка прижимала к щеке пакет со льдом.

– Что случилось? – с места в карьер выкрикнула Юлька. Аленка от неожиданности внезапно разрыдалась. Мы столпились в дверях, мешая друг другу. Жорик досадливо отмахнулся:

– Местные камнями бросались.

– Что?! – возмутилась Юлька.

– Я так и знала, – обреченно произнесла Наташа.

Жорик растерянно посмотрел на плачущую Аленку.

– Дикость какая, – у меня не было слов. – На вас напали?

Но кто, почему?

– В такой юбке нельзя выходить, – неожиданно заявила Наташа.

Аленка зарыдала еще громче.

– Я знал... но забыл предупредить, – начал оправдываться Жорик. – Я не думал, что так... Ведь она не одна, со мной...

– Это все равно, – почти равнодушно ответила Наташа, – ты чужой, они нас не любят.

– Кошмар. – Юлька покачала головой.

– Алена, а мама твоя куда пошла? – зачем-то спросила я.

Вместо Алены ответил Жорик:

– Она сказала, что знает того, кто это сделал, сказала, что разберется.

Наташа кивнула:

– Понятно, опять Али постарался.

– Кто? – не удержалась я.

– Брат Фудзии, он тут главный заводила. Тетя Лида к его родителям пошла, теперь отец его опять выпорет... или не выпорет... А может, выпорет, а потом похвалит... Их не поймешь. Лицемерные, в глаза одно, за глаза – другое.

– А ты откуда знаешь? – удивилась я такой осведомлен-

ности.

– Все знают, – равнодушно ответила Наташа.

Вернулась Аленкина мама, привела с собой испуганную арабку в длинном национальном одеянии. Тыкала пальцем в Аленку, кричала по-русски. Та молчала, только мелко-мелко кивала головой.

Вечером отец Аленки тоже ходил к родителям Али. Контракт казался взбудораженным ульем. Говорили, отец так и не выдрал Али, тот сбежал и не показывался на глаза разгневанному родителю.

Для себя я сделала несколько простых выводов, все они сводились к одному: в чужой монастырь со своим уставом не суйся. Не стоит разгуливать по незнакомой стране полуголой, особенно если это мусульманская страна.

Дома я первым делом заявила маме, что буду учить французский язык. Мама обрадовалась, достала учебник в синем переплете, раскрыла его на первой странице и показала алфавит. Мы вместе называли буквы, причем мама все время путалась, потому что в школе она учила немецкий.

– Это ничего, – сказала мама, – папа вернется с работы и все тебе расскажет. К тому же с нами занимается языком наш переводчик.

– Правда! – обрадовалась я. – А когда?

– По вечерам.

Глава 4

Новый знакомый. Контрабандист

Послышался деликатный стук у черного хода, и мама, ду-

мая, что местные дети принесли на продажу яйца, не спрашивая, открыла дверь.

Увидев молодого незнакомого араба, мама не испугалась, она вообще, по-моему, ничего не боится.

– Кес ке? – спросила она у пришельца. – В чем дело?

Араб словно оцепенел, несколько секунд смотрел на нее полуоткрыв рот, затем вдруг очнулся и заговорил быстро-быстро, понизив голос до шепота. Во время своего монолога он все время указывал рукой куда-то за спину и тревожно озирался по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.